

И.Л. Недяк*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЧЕРЕЗ СВОБОДУ ОТ ПРОИЗВОЛА: АБРИС ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ В НЕОКЛАССИЧЕСКОМ РЕСПУБЛИКАНИЗМЕ

Аннотация. В статье рассмотрено понимание неоклассическими республиканцами политического как институционально организованного пространства, в котором моральный порядок, гражданские нормы и верховенство закона не допускают возможности беззакония власти. Политическое в такой трактовке представляется как событие, которое происходит при сочетании определенных обстоятельств. Предметом анализа являются предлагаемые неоклассическими республиканцами возможности и способы устройства такого политического порядка. Они раскрываются в ключевом концепте теории неоклассического республиканизма – свобода как *не*-доминирование. С учетом исследовательских задач конструирования политического поля в России, выделены обоснованные в республиканском проекте приоритеты в политической организации современного общества: создание неманипулируемой и устойчивой к коррупции системы; соблюдение закона как главная доблесть гражданина; предпочтение контестаторной формы гражданской активности перед массовым участием граждан в процессе принятия политических решений, обременение государства ролью субъекта социальной справедливости. Такой политике препятствуют негативные последствия «орыночивания» общества: экспансия этоса и принципов рынка в сферу политического; низведение статуса гражданина до положения потребителя; размывание основ социальной сплоченности и солидарности; рост неравенства и политиче-

*Недяк Ирина Леонидовна, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: iraned@mail.ru

Nedyak Irina, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: iraned@mail.ru

ской бедности; потеря навыков демократического гражданства; переопределение гражданских добродетелей.

Ключевые слова: неоклассический республиканизм; свобода как недоминирование; маркетизация гражданства; гражданские доблести.

I.L. Nedyak

**Defining the political through the freedom from arbitrary power:
An outline of civic consciousness in the Neo-Classical republicanism**

Abstract. The article examines the understanding of the political by Neoclassical Republicans as an institutionally organized space in which moral order, civil norms and rule of law prevent the possibility of lawlessness of power. The political in this interpretation is an event that occurs under a combination of certain circumstances. The subject of analysis are the possibilities and ways of arranging such a political order, offered by Neoclassical Republicans. These are revealed in freedom as non-domination – the key concept of the theory of neoclassical republicanism. The Neo-Republic project of constituting of a political field in Russia highlights the following priorities: creation of a non-manipulative and corruption-resistant system; observance of law as the main citizen virtue; preference of a contestatory form of civic activity over a mass participation of citizens in the process of political decision making; entrusting the state with the role of a subject of social justice. The implementation of this policy is hampered by the negative consequences of the marketization of society: expansion of market ethos and principles into the political sphere; reducing citizen's status to the consumer's position; erosion of the foundations of social cohesion and solidarity; growth of inequality and political poverty; loss of skills in democratic citizenship; redefinition of civic virtues.

Keywords: neoclassical republicanism; freedom as non-domination; marketization of citizenship; civil virtues.

Экуменический республиканизм

В республиканской традиции сфера политического определяется как свободное от произвола пространство. Ее природа отвергает неполитическую власть, неправовое насилие, господство. Политическое формируется в публичном пространстве, в котором обладающие равными правами граждане ориентированы на достижение общего блага, имеют равные права и возможности участвовать в принятии / делиберации общественно значимых решений.

Экуменический республиканизм включил в *short-list* условий бытования политического следующие позиции.

– Наличие автономной сферы политического как особого пространства человеческой жизнедеятельности, как места и усло-

вия универсализации институционального порядка и его легитимации.

– Сосредоточенность взаимоотношений в публичной сфере на процессах осознания (различения), артикуляции, конкуренции, согласования и реализации общественных / групповых / частных интересов.

– Ориентированность на стратегические общие цели (интеприоризация ценности общественного блага, делиберация способов его преумножения, принципов и механизмов распределения); значимость инклюзивности, общественного признания.

– Взаимодействие по правилам политической игры с ненулевым результатом: диалогичность, конкуренция мнений и почитание их плюрализма, соблюдение норм общей реципрокности (взаимного признания равных прав).

– Плюс, разумеется, правовой характер отношений, соблюдение общепринятых норм и установленных законов; последние в императивном порядке должны быть всеобщими неотвратимо применяться ко всем, включая законодателей [Экспертное обсуждение... 2017].

В таком прочтении политическое не предстает как перманентный феномен и / или стабильно закрепившийся этос и доминирующие практики политической активности. В своем пределе политическое *происходит* при определенных обстоятельствах как *событие*.

Многообразие факторов и их сочетаний, которые удаляют или приближают событие политического, чрезвычайно велико. Из первой группы факторов мы рассмотрим влияние экспансии этоса и принципов рынка в сферу политического. Будет показано, как «орыночивание» отношений между гражданином и государством низвергает статус гражданина до положения потребителя, перемещает гражданина из публичной сферы в пространство частного с соответствующим переопределением гражданских добродетелей.

Как возможно увеличить вероятность события политического? Посредством реализации концепции свободы как *не*-доминирования. Этот ответ дает неоклассический республиканизм.

Представления неоклассических республиканцев о политическом употребляются как своеобразная мера «метрических отношений» и «функциональных связей» инфраструктуры политики на континууме: от полисного (аристотеле-арендтовского) понимания

политического и инклюзивных режимов гражданства к рыночной экспансии в сферу политического и формированию различных видов эксклюзивных режимов гражданства.

Арендтовскую концепцию «классического» полисного республиканского гражданства мы сохраняем мерилом степени политического [Арендт, 2000]. Ее понимание *Vita activa* (эксплицитно или имплицитно) остается эталонной мерой, в том числе и в работах неоклассических республиканцев, которые, заметим, весьма критично относятся к наследию Ханны Арендт.

Концепции институирования общества: Видимая рука общества и / vs невидимая рука рынка

Мегаконтинуум мышления о политике сформировали два архетипа представлений о социальном: политическая и экономическая концепции институирования социального.

В политической концепции общество понимается как рукотворное политическое установление в интересах общественного благосостояния. Концепция опирается на идею общественного договора, для реализации которой необходимы политические институты. Политический (а не властный) характер регулирования предопределяет автономность сферы политики как места средоточия общественного действия и управления обществом. В «красный угол» помещены (само)ценность общественного блага, гражданского и политического участия, солидарности, взаимного признания прав и обязанностей, самоуправления общества.

Экономическая концепция конституирования социального в своем пределе представляет общество как неполитический организм. Такой подход позволяет «помыслить общество биологически, а не политически» – без центра власти [Розанваллон, 2007]. Взаимным договорным обязательствам противопоставляются рыночные принципы взаимодействия. Постулируется возможность и целесообразность регулирования всего общества (а не только экономической сферы) посредством рыночных механизмов – безличных и отделенных от любых фигур рукотворной власти. В этом смысле утверждается *политическое* преимущество рыночной модели vs любой и всех моделей общественного договора [там же; Элстер, 2012; Miller, 1990].

В экономической концепции главными факторами институционализации социального считаются индивидуальная автономия человека, гарантия его негативной свободы, приоритет права над общим благом. Политической жизни отводится инструментальное значение; не учитывается «важнейший фактор гражданства для современных людей» [Тейлор, 2001, с. 90].

В дискурсе процессов (де)политизации современного общества все дебаты о ревизии концептов гражданства так или иначе возвращаются к вопросу вопросов. Продолжает ли оставаться адекватной реалиям тотально «орыноченного» общества дуалистическая теория гражданства, корни которой восходят к «великой дихотомии» политического либерализма: «частное vs публичное», «государство vs рынок» [Bobbio, 1989]. Мы склонны согласиться с мнением об узости такого видения.

Концепция гражданского общества как рынка формировалась в ответ на «провалы» договорной парадигмы и по праву определяется не только как антагонист концепции общественного договора, но как ее наследник [Elster, 1986; Scinner, 1998]. Два мегапроекта *modernité* – договорная организация общества / приоритет общего блага и / vs рыночная неопосредованная самоорганизация общества / приоритет негативной свободы – сформировали богатые многопластовые дискурсы инфраструктуры политического и легитимации политического порядка. Несколько столетий они одновременно конкурируют между собой и обогащают друг друга. Примером тому служит содружество коммунитарных и (лево)либеральных посылок в рассматриваемых ниже концепциях неоклассического республиканства.

Политический гражданин в «чреве» общества рынка

Согласно библейской притче, Иона три дня пробыл в чреве кита. Привела его туда тяжесть неосознания грехов. И был он выпущен, когда сумел осмыслить себя.

Преднамеренные и непреднамеренные последствия экспансии рыночных принципов регулирования в сферу политического взаимодействия привели к тому, что человек *экономический проглотил гражданина* [Habits of the heart... 2008]. Вместе со спосо-

бом его бытия в пространстве политического, вместе с возможностью осмыслить и реализовать себя в публичной сфере.

В последней четверти прошлого века экономическая концепция обустройства общества и понимания политического *per se* одержала безусловную победу над политической.

Коротко обозначим экстерналии рыночной экспансии в домен политики, которые в «чреве» общества рынка¹ «переваривают» статус гражданина, обращают его в рыночный продукт, а отношения между гражданами (между гражданами и государством) – в отношения стоимостей.

Интервенция частной по своей природе сферы рыночных отношений в публичную по своей природе сферу принятия политических решений кооптировала общество в состав рынка в качестве одного из его элементов [Citizenship... 2001].

– В целом успешно *произведен ценностный переворот*: права гражданина политики (общее благо) подчинены требованиям самоответственности. Последние предъявляются не гражданам политики, а частникам рыночных отношений, добродетели которых читаются в терминах рыночной стоимости. Следствием такой «рокировки» становится «беспрецедентный паралич публичных политических дебатов и потеря демократического контроля за принимаемыми общественно значимыми решениями» [Habermas, 2016].

– Государства (в разной степени радикальности) отказываются от роли субъекта социальной справедливости. Минимизируются регулятивные функции государства по обеспечению занятости и экономического равенства в пользу рыночных механизмов как регуляторов всех сфер жизнедеятельности общества.

– Социальная политика «покидает» сферу действия устоявшихся в обществе моральных и этических норм. Она все хуже справляется с выполнением интеграционных функций: социально-политического арбитра, морального регулятора, хранителя общественной морали. На грани «летального исхода» такие ее политические функции, как формирование системного и межличностного доверия; развитие и поддержание навыков демократического гра-

¹ Под обществом рынка мы понимаем гегемонию рыночной морали, принципов, механизмов, оценки взаимодействия во всех некоммерческих сферах жизнедеятельности общества.

жданства; включение институтов гражданского общества в процесс принятия общественно значимых решений.

– Чрезвычайно ослаблен институт социального гражданства во всех своих ипостасях: как статус, как участие, а также как механизм поступательного расширения пределов равенства. «Продавливается» институт неолиберального гражданства (гарантия политических и гражданских прав при минимизации социальных прав). Он применяется как инструмент упразднения эгалитарного измерения неравенства.

Прекарность превращается в новую норму на рынке труда. Полная занятость уже давно потеряла статус права гражданина. Флексибилизация занятости привнесла почти рабские условия найма, на которые люди «добровольно» соглашаются под давлением экономических обстоятельств.

Беспрецедентное углубление неравенства повернуло историю вспять: она вернулась к дизраэлиевским Двум Нациям, богатых и бедных. Проблема неравенства и политической бедности индивидуализируется и вытесняется из публичной сферы. В геометрической прогрессии растет число людей, которые обречены на стратегии выхода, так как развивается культура бедности, стигматизация «лузеров», политическая бедность.

Социальная инклюзия более не является атрибутом статуса гражданства. Она зарабатывается и приобретается как рыночный продукт. Размываются основы социальной сплоченности и солидарности. А эксклюзивная солидарность усиливается, она питает радикализм и одновременно питается им.

Теряет статус общего блага – право иметь права, которое Х. Арендт определила как фундаментальное право граждан на инклюзию, членство в сообществе и признание им.

Разные форматы, в которых предлагается вернуть осязаемость «невидимым гражданам незримого общества» [Бауман, 2005, с. 28], предопределяют содержание стратегий конституирования политического поля. В политических проектах неореспубликанцев основным и неперемнным условием политического гражданства постулируется защищенность человека от произвола любой власти посредством институциональной среды и морального порядка.

Республиканский поворот

От наивысшего успеха неолиберальной политики в 1970–1980-е годы маятник качнулся до нынешнего ее идеологического и философского упадка. Критики неолиберализма также особенно не преуспели в генерировании схожих по «весу» альтернативных политических проектов.

(Де)политизация, (пере)определение политического, (ре)организация политического порядка – таков неполный «пакет» первоочередных вопросов современной политической повестки [European Sociological Association... 2017]. Глобальный политический порядок переживает непростые времена. Множественные тектонические разломы нарушили сплошность политической «коры», и все оказались на распутье: «правые» и «левые», консерваторы и радикалы.

Республиканизм – одно из немногих политических учений, которое переживает ренессанс в условиях сложных времен неолиберальной доктрины и «топтания» на распутье левой политической мысли.

Неореспубликанцы равнодушны к вопросам идеологической таксономии, предлагая свой проект обустройства политического порядка. Они утверждают, что стержневая аксиома неореспубликанизма – свобода как не-доминирование – включает «богатое, даже радикальное многообразие политических курсов... <и> ...может обеспечить лояльность граждан развитых мультикультурных обществ, несмотря на их собственные особые представления об общем благе» [Петтит, 2016, с. 28, 179].

В 1980-е годы республиканизм вступает в период, который в литературе описывают как «республиканский поворот», «республиканское возрождение», «подъем гражданского республиканизма» и проч. С крахом проекта реального социализма, с роспуском Советского Союза и распадом социалистического лагеря рыночная концепция институционализации социального лишилась своего основного идейного оппонента. Неореспубликанизм¹ успешно иг-

¹ Для обозначения этого периода и направления развития республиканской теории в литературе применяют различные определения в синонимичном значении: «республиканизм», «неореспубликанизм», «коммунитарный республиканизм», «гражданский республиканизм» [Olsen, 2006, p. 1].

рает одну из партитур этой роли – дискуссанта и основного теоретического соперника современного либерализма [Olsen, 2006].

Текущий кризис неолиберальной доктрины и ставшая очевидной интеллектуальная слабость ее коллективного визави из «левого» лагеря усилили привлекательность республиканского проекта и среди теоретиков, и среди практических политиков. Не очень большим преувеличением можно считать утверждение, что неореспубликанизм стал важнейшим, и, возможно, наиболее убедительным примером постсоциалистической политической мысли [Republicanism... 2008].

Как и следовало ожидать, в неореспубликанизме проявились две исторически сформировавшиеся ветви классической республиканской политической философии, которые восходят к учениям Древней Греции и республиканского Рима.

Представители первой ветви (*communal republicans*) опираются на максимы аристотелевско-арендтовской республиканской традиции: (само)ценность политического участия и восприятие его как общего блага, подчинение личного интереса общественному, участие в публичной жизни как высшая форма самореализации, способ самоопределения и получения общественного признания.

Но мейнстримом современной республиканской мысли стала другая ветвь – неоклассический республиканизм. Она восходит к республиканскому периоду Древнего Рима, развивается в трактатах «божественного» Макиавелли, в трудах английских республиканцев XVII в. В концептуальных построениях неоклассического республиканизма отчетливо читается цicerоновская трактовка свободы. В республиканском Риме свобода (*libertas*) означала прежде всего не равенство в участии и не право на публичную де-liberацию общих дел на агоре, как в Афинах. Главная привилегия римского гражданства состояла в обладании права быть под защитой закона и требовать такой защиты от правителя.

Неоклассический республиканизм развивается в работах Квентина Скиннера, Изольт Хонохен, Джона Покока, Касс Санстейн и, разумеется, Филипа Петгита – пожалуй, самого авторитетного современного теоретика республиканской традиции.

Неоклассики продолжают теоретическую традицию своей *alma mater*. Высшей политической ценностью и мерилом политической институциональной жизни они прокламируют не массовое политическое участие, а *эмансипацию от подчиненности любой*

произвольной власти. Эта principalis ratio выражена в концепции свободы как *не-доминирования*¹.

**Телос не-доминирования: Политическое
как пространство господства гражданских норм
и верховенства закона над беззаконием власти**

Значение концепции «свобода как не-доминирование» в политической философии и теории неореспубликанизма таково, что в полной мере не передается заштампованными определениями «ключевая», «стержневая» и проч.

Свобода как *не-доминирование*² – суть и соль неоклассического республиканского мышления о политике: о политическом идеале и институциональном дизайне; о целях и формах республиканского правления; о власти и подчинении; о субъектности и агентности (agency); о гражданственности; об общем деле, общей вере и общем мире.

Концепция свободы как не-доминирования определяется как институциональное обеспечение условий, которые не только препятствуют *произвольному* вмешательству любого агента в свободный выбор своего визави. Свобода как не-доминирование требует наличия конституций, которые *устраняют* саму *возможность* осуществить произвол [Петтит, 2016; Pettit, 2012; Honohan, 2002; Skinner, 1998]. Из определения следует, что государству и законопавию отводится ключевая роль в создании и поддержании политического порядка не-доминирования. Задача государственного управления – обеспечить такую институциональную среду, которая позволяет *властью закона* оградить человека *от произвола власти*.

¹ «Термин “non-domination” в первом вышедшем на русский язык тексте Ф. Петтита был переведен более благозвучно как “отсутствие доминирования”. Но в таком переводе он теряет свою “терминологичность”, превращается в обычное словосочетание двух понятий. Мы согласны, что термин “не-доминирование” является более точным» [Павлов, 2016, с. 20].

² Неореспубликанцы опираются на веберианскую трактовку доминирования: один агент доминирует над другим только в том случае, если он имеет над ним власть вмешательства, основанного на произволе [Вебер, 2016].

Свобода как *не*-доминирование имеет политическую природу. Она может быть реализована только в процессе общественного взаимодействия равных по статусу индивидов.

Государственное управление, которое допускает условия для произвольного вмешательства, нельзя считать справедливым и демократичным. Республиканские неоклассики утверждают: непереносимое условие современной политики и политического гражданства – «независимость от власти другого человека или группы лиц... власти настолько сильной, что может избежать санкций закона или обходиться с ним, как ей захочется... <ибо сам факт ее существования>, даже если она действует в интересах подданных, порождает у подчиняющихся рабский менталитет» [Вироли, 2014, с. 33, 40, 38, 34].

Обратим внимание на важный тезис – *недопущение даже возможности произвола*. Он положен в основу различения неоклассическими республиканцами двух противоположных состояний: свобода граждан и свобода слуг. Последняя приравнена к сервитуту или рабству [Вироли, 2014; Skinner, 1998; Sen, 2009]. Человек не свободен даже в том случае, когда он вольготно пользуется свободой при по тем или иным резонам не вмешивающемся в его дела господине (лицом или группой лиц, которые имеют возможность по своей воле попирает закон). Ибо наличие господина (т.е. персонифицированной или деперсонифицированной возможности произвольного вмешательства) все равно остается фактором доминирования и делает из граждан слуг.

Не менее важен второй тезис. Недостаточно, чтобы человек перестал быть объектом произвола. Важна его осознанная решимость самому не стать субъектом господства. *Не*-доминирование означает не только *не быть рабом* (т.е. свободу человека от любого беззакония), но включает его готовность *не быть господином* (самому не допускать произвола по отношению к другим).

«Третий глаз» свободы как не-доминирования: Припадая к истокам

Концепция и идеал свободы как *не*-доминирования позиционируется как особый третий республиканский подход [Skinner, 2002].

Неоклассические республиканисты считают досадным упрощением дихотомию концепций свободы Исайи Бёрлина: нега-

тивная свобода (свобода от) и позитивная свобода (свобода для). По их мнению, это закосневшая дуальность. Она «поддержала философскую иллюзию» о существовании только двух пониманий свободы и затмила «философскую обоснованность и историческую реальность третьего пути» [Петтит, 2016, с. 55]. В чем его особенность? Какие измерения открывает «третий глаз» свободы как *не*-доминирования?

В отличие от негативной свободы, свобода как *не*-доминирование исключает внутреннюю эмиграцию и любые стратегии выхода. Но она содержит либеральные директивы о главенстве закона, автономии индивида, его праве на собственность в трактовке Локка (которая, напомним, содержит собственность на самого себя) [см.: Локк, 1988, с. 277].

С отношением к позитивной концепции свободы положение сложнее. Развивая идеи Квентина Скиннера, Филип Петтит вскрывает «исторические наслоения» в республиканском понимании свободы и заключает, что концепция свободы как *не*-доминирования не является концепцией позитивной свободы. Но это и не придуманное новшество. Она возвращает нас к более широкому досовременному республиканскому пониманию свободы: не быть ни рабом, ни господином.

По мнению неоклассиков, в Новое время, когда гражданские права были расширены на ранее исключенные категории граждан (женщины, неимущие), количество предоставленной свободы отразилось на ее качестве. Классическое республиканское понимание свободы как *не*-доминирования было редуцировано до свободы / права / привилегии политического участия и представительства. «Следствием этого стало искажение республиканского мышления о политике и понимания республиканского государственного правления» [Петтит, 2016, с. 74].

Неоклассические республиканцы весьма критичны к той версии республиканской теории, которая сформировалась под влиянием работ Ханны Арендт. В арендтовской трактовке позитивной свободы Ф. Петтит видит «дух популизма». Он убежден, что «партиципаторный идеал неосуществим в современном мире, и в любом случае подчинение каждого человека всеобщей воле вряд ли можно считать привлекательной перспективой» [там же, с. 155].

В этой части «республиканизм вступает в союз с либерализмом против коммунитаризма, так как республиканскому подходу

свойственно стремление к «относительно нейтральной повестке, не привязанной ни к одной конкретной концепции блага» [Петтит, 2016, с. 218]. Но, разумеется, в силу своей политической природы свобода как не-доминирование является коммунитарным благом. Как и политическое в нашем понимании, это благо *возникает как событие*, которое имеет «степени интенсивности и объема» [там же, с. 458; Pettit, 1993; Lovett, 2010]. Оно – как солидарность или статус – появляется и исчезает, вместе с появлением и исчезновением интерактивных предрасположенностей [Miller, 1990].

Конструирование политического как свободного от доминирования пространства

Ф. Петтит с жаром прозелитизма (сказывается духовное образование) прокламирует свободу как отсутствие рабства / сервилитета / доминирования высшими ценностью и целью республиканского государства.

Неманипулируемая система, социальная справедливость, широко распространенная гражданственность – три основных условия и необходимые инструменты домена республиканской свободы [Scinner, 1998; Honohan, 2002; Pettit, 2012; Birnbaum, 2015].

Способы достижения всеобщего *не-доминирования* во многом определяют требования, которые неоклассические республиканцы предъявляют себе как разработчикам теоретических обоснований «нового курса». Одной фразой их суть можно выразить так: оставить башню из слоновой кости. Неоклассический республиканизм избавляется от «родового греха» кабинетности республиканской мысли и деонтологического мышления. Ф. Петтит говорит о решительности развивать такие черты эмпирической направленности неоклассического республиканизма как антидеонтологизм, антиутопизм и антиморализм [Pettit, 2017]. Любой политический проект должен пройти тест на реалистичность и реализуемость: желательность означает доступность. Он должен непременно учитывать черные и серые «пятна» сущего: несовершенство человеческой природы, склонность индивидов и институтов к политическому оппортунизму и коррупции, подверженность людей манипуляции, гедонизму, эгоистическим соображениям и проч.

Исходя из этих посылок, неоклассики акцентируют внимание на трех принципах «обустройства» политического порядка всеобщего *не*-доминирования: резистентность к манипуляции и коррупции трех «И» – институтов, инструментов управления и инициатив; контрмажоритаризм, контестаторная демократия.

Резистентность к манипуляции и коррупции

Неманипулируемая система должна соответствовать минимум трем условиям: верховенство закона, рассредоточенность властей, сопротивляемость закона воле / тирании большинства [Pettit, 2015; Olsen, 2006; Sunstein, 1990; Lovett, 2012].

Устойчивые институты – предмет особой заботы неореспубликанцев. Институт считается устойчивым, если он не поддается эрозии коррупции, даже в том случае, если его участники коррумпированны.

И вновь мы видим, что в утверждении такой формы конституционализма и такого понимания гражданственности неоклассики опираются на «столпы» неоримской и итальяно-атлантической ветвей республиканской традиции.

Монтескьё отмечал, что соблюдение закона – это главная доблесть гражданина и условие его свободы. Если гражданин делает то, что закон запрещает, он лишается защиты закона и теряет свободу, потому что у другого гражданина появится такая же власть нарушить закон и попортить свободу. Несоблюдение принципа рассредоточения власти ведет к тирании, так как для обеспечения свободы важнее не гражданские добродетели участия, а чтобы одна власть могла контролировать другую власть [Монтескьё, 1999].

Контрмажоритаризм и контестаторная демократия

В отношении массового участия граждан в процессе принятия политических решений неоклассики не скрывают, что опасаются легко манипулируемого большинства в несправедливо устроенном социуме. Такая позиция созвучна выводу Ю. Хабермаса о невозможности рациональной дискуссии при наличии экономического и / или политического доминирования в обществе [Хабер-

мас, 2000]. Поэтому в неоклассическом республиканизме констататорная форма гражданской активности считается более адекватной реалиям общества растущей асимметрии ресурсов (властных, экономических, информационных, культурных и пр.).

Оспариваемость – одна из ипостасей традиционной для республиканизма идеи гражданской бдительности. Республиканскому гражданскому контролю имманентна обоснованная делиберация – «республика доводов». Ее роль неоклассики ни в коей мере не принижают. Но Петтит категоричен: «Приближение к идеалу обеспечивает в первую очередь не широкое согласие людей по общественно значимым вопросам, а институции, которые гарантируют людям возможность оспаривать действия государства... важно обеспечить, чтобы действия власти были не продуктом народной воли, а были способны выдерживать испытание народным оспариванием» [Петтит, 2016, с. 465]. Неоклассики убеждены, что сильная видимая рука общества измеряет участие не массовостью, а степенью возможности гражданина оспаривать деятельность государства при безусловной институционально обеспеченной гарантии такой возможности. Петтит почти дословно повторяет Монтескьё: «Власть *контролировать* принятие решений важнее *участия* в них» [Pettit, 2012; Honohan, 2002, p. 228].

***Welfare* как условие и инструмент не-доминирования**

Для республиканского понимания свободы священно право человека на базовые возможности для функционирования в локальной культуре [Sen, 1985]. Не-доминирование является «безусловно эгалитарным благом» [Петтит, 2016, с. 460]. Для обеспечения его бытия необходимо провести «обратную рокировку» в политике *welfare*: вновь поставить права гражданина политики выше самоответственности потребителя. Статусное и политическое естество свободы как не-доминирования красиво раскрывает заключение П. Бурдье: «Автономия преподавателей, поддержавших Золя в деле Дрейфуса, отчасти связана с тем, что они были штатными преподавателями: на удивление, в этом случае привилегия оказалась условием свободы. Следовательно, разрушение стабильной занятости оборачивается потерей свободы» [Бурдье, 2005].

Регулятивной роли государства отводится критически важное место в неореспубликанских теориях свободы [Scinner, 1998; Pettit, 2012; Петтит, 2016], гражданства [Republicanism... 2008], справедливости [Lovett, 2010], демократии [White, 2012], благосостояния [Mead, 2005; Birnbaum, 2015].

Социальный порядок *не*-доминирования обременяет государство ролью субъекта социальной справедливости. Такое движение «назад в будущее» означает: возвращение к более активной политике регулирования занятости и гармонизации неравенства; восстановление в статусе общего блага права иметь права; вызволение людей из «гетто» социальной эксклюзии; признание общественными таких проблем как бедность, индивидуализация биографий, социальная депривация etc. [Mead, 2005; Krause, 2013; Birnbaum, 2015]. При этом интериоризация ценности и состояния «не быть рабом / не быть в зависимости от воли другого» считается надежным иммунитетом от таких экстерналий кейнсианского государства благосостояния как патерналистские настроения, иждивенчество, социальная пассивность.

Укрепляет этот иммунитет *республиканизм газовых и водонапорных башен*. Так назвал Ф. Петтит обращение теории и практики неоклассического республиканизма к повседневным проблемам граждан. Для создания порядка *не*-доминирования особое внимание уделяется развитию гражданской и политической активности на локальном уровне. Здесь социальные и гражданские технологии применяются для обучения граждан навыкам решения индивидуальных / групповых задач в публичной сфере.

Самая отзывчивая среда для реализации стратегий эмпауэрмента локализована на низовом уровне. Это подтверждает богатейший общемировой опыт проведения социальных кампаний, нацеленных на «вживание» общественно значимых практик и норм поведения посредством стимулирования низовых инициатив и сетевого взаимодействия граждан для решения самых обыденных проблем повседневной жизни. Доказано, что органы местного самоуправления оказались наиболее эффективными и перспективными площадками для вовлечения граждан в деятельность исполнительных органов власти, для развития культуры и навыков двустороннего взаимодействия управляющих и управляемых.

Вместо заключения: Горизонты отечественного «республиканизма в душе»

Любопытны «пометки на полях» страниц истории российского республиканизма. Российские монархи (Екатерина Великая, Александр I) и многие просвещенные приверженцы монархизма горделиво называли себя *республиканцами в душе* [Каплун, 2008].

Какие струны сегодняшней российской «республиканской души» может затронуть концепция *не-доминирования* и тем самым стать инструментом «мягкой силы» конституирования в России политики современного типа?

На поверхностный взгляд, идеал свободы от господства близок по духу русской вольнице. Поэтому паттерн поведения, в котором сочетаются «лед и пламень» притягательности для россиян идеала свободы как антитезы рабства и императивность требования господства права может стать неплохой платформой для решения ряда нужных задач: правового и гражданского образования, борьбы с правовым нигилизмом, обучения контестаторной активности, институционализации «демократии оспаривания», практик и норм законопавия, повышения сопротивляемости институтов коррупции.

Республиканские стратегии продвижения политического порядка *не-доминирования* отводят государству очень важную роль и в этой части «вписываются» в российский институциональный дизайн. Не меньшее (если не большее) значение имеют стратегии эмпауэрмента «республиканизма водонапорных башен». Для российского кейса представляются безусловно полезными концептуальные разработки и опыт борьбы с доминированием на локальном уровне посредством развития школ *agency* и школ оспаривания.

В завершение стоит отметить, что на низовом (и первостепенно важном!) уровне конструирования современной политики в высшей степени инструментальна ценностно нейтральная модель политического поля. Ее системе координат чужеродно оперирование совокупными концептами. Автор этого определения-диагноза, Ион Шапиро, определил совокупные концепты как «идеи, которые взращивают и усиливают вводящие в заблуждение дихотомии». Они приводят гуманитарные науки к «бегству от реальности», ибо «систематически искажают анализируемые феномены, переключая внимание с первоочередных вопросов о мире на второстепенные во-

просы о понятиях, которые никогда не будут разрешены, так как они покоятся на категориальных ошибках» [Шапиро, 2011, с. 45, 299]. Применительно к предмету нашего исследования, к таким вводящим в заблуждение дихотомиям при осмыслении политического порядка в России можно отнести дуальную пару «демократический порядок» – «авторитарный порядок».

Список литературы

- Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Библихина. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
- Бауман З.* Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
- Бурдые П.* Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
- Вебер М.* Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии: В 4 т. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. – Т. 1: Социология. – 445 с.
- Вироли М.* Свобода слуг. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. – 113 с.
- Каплун В.* Российский республиканизм как социокультурная традиция // Полит. ру. – 2008. – 7 марта. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2008/03/27/kaplun/> (Дата посещения: 1.02.2018.)
- Локк Дж.* Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 3. – С. 137–405.
- Монтескье Ш.Л.* О духе законов. – М.: Мысль, 1999. – 674 с.
- Павлов А.* Республиканизм Филипа Петтита: Самая актуальная современная политическая философия // Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – С. 7–24.
- Петтит Ф.* Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 488 с.
- Розанваллон П.* Утопический капитализм. История идеи рынка. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 266 с.
- Тейлор Ч.* Философия и ее история. – М.: ИФ РАН, 2001. – Вып. 8. – С. 78–95.
- Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. – М.: Наука, 2000. – 384 с.
- Шапиро И.* Бегство от реальности в гуманитарных науках. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. – 386 с.
- Экспертное обсуждение концепции конституирования политического поля и политического пространства в России / Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. –

- М.: ФНИСЦ РАН, 2017. – 73 с. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/publ/Expert_discussion_18_10_2017.pdf (Дата посещения: 6.02.2018.)
- Элстер Ю. Рынок и форум. Три разновидности политической теории // Логос. – М., 2012. – № 3 (87). – С. 60–87.
- Birnbau S. Welfare contractualism, social justice and republican citizenship // New contractualism in European welfare state policies / Ed. by E. Rune, N. Kildal, E. Nilssen. – Farnham: Ashgate, 2015. – P. 17–46.
- Bobbio N. Democracy and dictatorship: The nature and limits of state power. – Minneapolis: Univ. of Minnesota press, 1989. – 186 p.
- Citizenship, markets and the state / C. Crouch, K. Eder, D. Tambini (eds). – N.Y.: Oxford univ. press, 2001. – 285 p.
- Elster J. The market and the forum: Three varieties of political theory // Foundations of social choice theory / J. Elster, A.H. Hylland (eds). – Cambridge: Cambridge univ. press, 1986. – P. 103–132.
- European Sociological Association 13 th Conference. (Un)Making Europe: Capitalism, solidarities, subjectivities, Athens, 29 August – 01 September 2017: Abstract book. – Paris: European Sociological Association (ESA), 2017. – 1000 p. – Mode of access: https://www.europeansociology.org/sites/default/files/ESA-2017-Athens_Abstract-Book_final.pdf (Дата посещения: 9.02.2018.)
- Habermas J. Core Europe to the rescue: A conversation with Jürgen Habermas about Brexit and the EU crisis // Social Europe. – L., 2016. – 12 June. – Mode of access: <https://www.socialeurope.eu> (Дата посещения: 1.02.2018.)
- Habits of the heart: Individualism and commitment in American life / R.N. Bellah, R. Madsen, W.M. Sullivan, A. Swidler, S.M. Tipton. – Berkeley: Univ. of Calif. press, 2008. – 355 p.
- Honohan I. Civic republicanism. – L.; N.Y.: Psychology press, 2002. – 328 p.
- Krause S. Beyond Non-Domination: Agency, inequality and the meaning of freedom // Philosophy and Social Criticism. – L., 2013. – Vol. 39, N 2. – P. 187–208.
- Lovett F. A general theory of domination and justice. – Oxford: Oxford univ. press, 2010. – 273 p.
- Lovett F. What counts as arbitrary power? // Journal of Political Power. – L., 2012. – Vol. 5, N 1. – P. 137–152.
- Marti J., Pettit Ph. A political philosophy in public life: Civic republicanism in Zapatero's Spain. – Princeton: Princeton univ. press, 2012. – 216 p.
- Mead L. Welfare reform and citizenship // Welfare reform and political theory / L. Mead, C. Beem (eds). – N.Y.: Russell Sage foundation, 2005. – P. 172–199.
- Miller D. Market, state, and community: Theoretical foundations of market socialism. – Oxford: Oxford univ. press, 1990. – 373 p.

- Olsen E.J.* Civic republicanism and the properties of democracy: A case study of post socialist political theory. – Lanham (MD); Oxford: Lexington books, 2006. – 313 p.
- Pettit Ph.* A political realism meets civic republicanism // *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. – L., 2017. – Vol. 20, Issue 3. – P. 331–347.
- Pettit Ph.* On the people's terms: A republican theory and model of democracy. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2012. – 338 p.
- Pettit Ph.* The robust demands of the good: Ethics with attachment, virtue, and respect. – Oxford: Oxford univ. press, 2015. – 281 p.
- Republicanism and political theory* / C. Laborde, J. Maynor (eds). – Oxford: Blackwell, 2008. – 280 p.
- Sen A.* The idea of justice. – Cambridge: The Belknap press of Harvard univ. press, 2009. – 468 p.
- Skinner Q.* Liberty before liberalism. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1998. – 142 p.
- Skinner Q.* A Third Concept of Liberty // *Proceedings of the British Academy*. – Oxford, 2002. – Vol. 117. – P. 237–268.
- Sunstein C.R.* After the rights revolution: Reconceiving the regulatory state. – Cambridge: Harvard univ. press, 1990. – 284 p.
- White S.* Property-owning democracy and republican citizenship // *Property-owning democracy: Rawls and beyond* / M. O'Neill, T. Williamson (eds). – Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. – P. 129–146.